

Рядченко И.

1981

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА
г. ОДЕССА

ЦЕНА СЛОВА

Имя поэта Ивана Рядченко давно и хорошо знакомо любителям поэзии. Перу его принадлежат не один десяток книг, пьесы, киносценарии, поэты знают далеко за пределами республики, среди написанного им немало произведений, прочно завоевавших читательские симпатии. В общении с уверенностью можно сказать, что Иван Рядченко не только знает высокие критерии современной русской советской поэзии, но, в известной мере, принадлежит к тем, кто эти высокие критерии призван формировать, определять собственным творчеством. Все это делает книгу Ивана Рядченко предметом внимания.

Новая книга стихов поэта, вышедшая в конце прошлого года, начинается строчками:

По утрам, до завтра, покида
бритва элентричеством
в зеркальце, как будто
четко отражается мой вид.
Как бы принимали мы
возвышались телом и душой,
если бы не знали отраженья
в чьей-то бескорыстности
чужой?

Иван Рядченко легко узнаваем. Вот и в этих строках читатель встречает излюбленный прием поэта: обнаружив некий факт, некую деталь быта, иногда нарочито заземленную, материальную, поэт идет к раздумию, размышлению, в котором факт, деталь становятся основой развернутой поэтической метафоры.

Смущают лишь небрежности письма. «Четко отражается мой вид». Из-за столкновения нескольких значений слова «вид» строчка кажется напыщенной, какой-то игривой, урочивает первоначальный — простой и естественный смысл. «Возвышались телом и душой» — что бы это значило? Применительно к «телу» слово «возвышались» имеет значение превосходства над иными в высоте. «Возвышенность души» — совсем иное понятие. Так каков же истинный смысл строки? О чем это?

Но не будем слишком поспешно придавать излишнее значение нескольким поэтическим огрехам. В конце концов, их можно отыскать в любой книжке. Досадно в данном случае то, что книга стихов Ивана Рядченко называется «Отражение», цитируемое стихотворение названо «Зеркала», и речь, таким образом, идет о строках программных, определяющих смысл, тональность, этические и эстетические постулаты автора книги. Тут, вроде бы, нет и не должно быть мелочей...

Но читаем это же стихотворение дальше:

...Кто-то отражается во
ануне.
Кто-то в рестораннысти она.
Ну, а мы, любимая,
в разлуке —
в той, что вместо зеркала
дана.

Так развивается прием, как движется метафора — от брутального зеркала до отражения человека в жизни. Тут уже идут оценки нравственные, этические. И вновь обнаруживаются странности. Можно предположить, что первые две строчки четверостишия являются как бы противопоставлением: кто-то отражается во внуке (момент — положительный), а кто-то — в окне ресторана (так сказать, наоборот). Но ведь трудно считать, что во внуке может отражаться только хороший человек, а в ресторанном окне («в рестораннысти (?) окна») непременно плохой. Тогда, наверное, автор просто перечисляет возможности отражений... Тогда почему же «кто-то» и еще кто-то? Что мешало бы одному человеку отразиться во внуке, в окне, пусть даже окне ресторана, в разлуке... Нечеткость слова приводит к неопределенности, расплывчатости мысли, к неясности значения.

К сожалению, подробное знакомство с книгой стихов «Отражение», заставляет думать, что приведенные строки и впрямь определяют характер этой книги.

Несомненно, что Иваном Рядченко в его творчестве руководят стремления подлинно благородные и гуманные, стихи его — и в том числе стихи новой книги — неизменно посвящены воспеванию добра и красоты, гармонии мира, причем поэт стремится соединить в них бытовую прозаичность с высоким пафосом обобщенной, точность деталей с эмоциональностью оценок. Там, где Ивану Рядченко хватает требовательности, там, где пером автора руководит прежде всего его несомненный поэтический дар, рождаются стихи интересные, точно и ярко написанные. В этой книге среди них, как нам кажется, стихи о войне — «Деликатес» и «Старый патефон», «Слава», «Цапты», короткий и емкий «Августовский пейзаж». С некоторыми оговорками к числу удавшихся стихов можно отнести, на наш взгляд, «Опустевшие пляжи», «Михаилу Дудину», «Разбитая лодка». Однако, менее десятка стихов не могут обозначить общий уровень книги в три печатных листа. И эти, лучшие в книге, стихи остаются отдельными удачами, тем более, что тональность их, в общем-то, совпадает с тоном книги — спокойным, уравновешенным, благополучным. В книге много стихов о любви, есть поэма «Мой город, первая любовь», соединившая любовь лирического героя к Одессе, легко узнаваемой, и к юной школьнице из далекой предвоенной поры.

Однако, в стихах этих и поэме так много слов приближенных, неточных, неверных, так много авторских поблажек, снисходительных допущений, что это начинает сказываться и на этических достоинствах стихов. Есть известный закон всякого творчества — и поэтического в том числе: нельзя утвердить высокие нравственные нормы при эстетической нетребовательности к себе. Слова случайные, приблизительные не просто мешают воспринимать стихи, они разрушают смысл, снижают значение стихотворения и авторской идеи, сводят ее на нет, а иногда и вовсе обращают в собственную противоположность.

Стихотворение «Ветер в Япте» начинается так:
Опять на город устремился
холод,

и ветер с гор обрушился
опять.
Скрипит наш дом, как
судовой рангоут,
и кажется — вздымается
кровать.
Понятно, что поэт имел в виду: дом, поскрипывающий на ветру, как корабль в шторм, кровать, которая словно судовой койка, качается вместе с кораблем... Но получилось — другое.

Стихотворение «Загар» построено по тому же принципу Ивана Рядченко — от частного факта, от бытового наблюдения к высокому поэтическому выводу. И вот —
Женщина была белым-бела.
На толчан улыбчиво легла.
Солнца раскаленные лучи
за нее взялись как палачи.
Словно Жанна д'Арк,
на толчане
расплывалась женщина
в огне...
Все-таки Жанна д'Арк не
загорала, нет. И понимая право поэта на улыбку, на шутку, мы предоставляем ему и право выбора: как и над чем шутить. Сопоставление улыбки в купальщице с великой судьбой Жанны кажется несколько бестактным. И конечный вывод поэта, верный и неоспоримый, —
Луч погаснет, пепел опадет —
красота
над вечностью взойдет!

этим сравнением умален, подвергнут сомнению, ибо сомнителен путь поэтического доказательства этой истины.

В поэме «Мой город, первая любовь» Иван Рядченко пишет главу о Гоголе, о его пребывании в Одессе. В общем-то доказательства требует добрая, хоть и не слишком новая, мысль, что «нужна солдатам и поэтам ласкающая женская рука». Вот как доказывает ее поэт:
Противясь угнетению
и насилью,
оттачивая ядовитый слог,
любил он беспредельно всю
Россию,
а вот влюбиться в женщину
не мог.
И потому пришлось ему
так туго,
что был он в одиночестве
один
и не было с ним женщины
и друга,
когда бросал он рукопись
в камин...

Вот и все. Вот и вся трагедия Гоголя, вот и вся до сих пор так и не объясненная до конца история сожжения третьего тома «Мертвых душ». Не было с ним хорошей женщины, настоящего друга, когда был он «в одиночестве одич». Небрежность, поспешность письма, легкость пера приводят к небрежности мысли, к сомнительной ценности этики. И это, к сожалению, встречается в книге часто.

В той же поэме лирический герой обращается к своей первой любви, трагически ушедшей из жизни:
Зайчик солнечных дней
за прохожими гонится.
Сколько летнего света
вокруг и тепла...
Возвращаясь ко мне,
синеглазая школьница!
Ах, прости, я забыл:
ты давно умерла.

В поэме памяти и горечи, в поэме — гимне неумирающей любви автор позволяет себе игривое: «ах, прости, я забыл...», Оказывается, забыл, что умерла. И неверность словесного выражения чувства начисто лишает доверия и к самому чувствую, оно тоже предстает придуманным, нарочитым. Фальшь интонации оборачивается фальшью ситуации.

Вот стихи «Перстень». Прощу, родная: успокойся и фотографии не рви. Теперь мужчины носят кольца как знаки качества любви. А я захвачен суетою, а я без перстня до сих пор. Кольцо, хотя и золотое, не оградительный забор. Что сталось — видишь, по лицу лишь, открытый горечь погася. Любовь — ее не околицуешь, как будто диного гуся.

Оставим то, что кольцо и перстень сегодня — просто разные слова, обозначающие разные понятия. Оставим и то, что каламбур «кольцо — околицован» в стихах употреблялся многожды, приелся, стал штампом. То, что могло стать обжигающим разговором о любви в приблизительном решении оказалось банальностью.
В стихах о дожде поэт пи-

шешет, что все в городе были огорчены дождем.
«лишь с витрины пшеничные булки улыбаются падшей воде». Падшей в смысле: упавшей, падающей? Ибо в русском языке у этого слова другой смысл.
В поэме об Одессе памятник Пушкина заговорил о себе такими словами:
«Забронзовело твердо тело.
Давно журчит у ног фонтан» (7).
Удивительно, как легко сочетаются ровная, умиротворенная, благостная интонация книги «Отражение» с многочисленными ее поэтическими, синтаксическими и смысловыми огрехами, как по глади ровных, спокойных чувств легко передвигаются «словоблоки», устойчивые словосочетания, отработанные приемы письма.

В начале рецензии мы уже говорили о том, что Иван Рядченко — поэт, доказавший многолетним опытом свою принадлежность к людям даровитым. Тем необходимее позвался нам именно такой — непредвзятый и строгий — разговор о его новой книге. Она, к сожалению, явилась свидетельством ошутимого снижения критериев в творчестве поэта, получилась монотонной, успокоенной, и монотонность эту нарушают лишь совсем уж резкие оплошности и небрежности. Несмотря на названных удачных стихов, подтверждающих репутацию Ивана Рядченко, как поэта настоящего, оттеняют тем самым и тот невысокий уровень, который поэт избрал себе в последней книге.

Конечно же, поэтическая судьба не может состоять из одних удач. Но промахи, просчеты, неудачи бывают разными. Есть неудачи поиска, неудачи риска, неудачи в попытках освоения новых, более высоких поэтических горизонтов. А есть неудачи спокойствия, неудачи гарантированного успеха, и они, как нам кажется, опаснее для поэтической судьбы.

Ю. МИХАЙЛИК.

271